

В.А. Макаров

**«ЕВРОПА» И «НЕ-ЕВРОПА»: ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ И ЯПОНИИ В БРИТАНСКОМ
ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.
(по материалам периодической печати)**

V. Makarov

**‘EUROPE’ AND ‘NON-EUROPE’: CIVILIZATION IDENTITY
OF RUSSIA AND JAPAN IN THE BRITISH PUBLIC OPINION
(BRITISH PRESS IN THE XIX–XX CENTURIES)**

Россия в XIX в. для Европы оставалась «Другим». Была ли она европейским «Другим» или не-европейским «Чужим»? Проанализируем восприятие в британской прессе рубежа XIX–XX вв. образов России и другого «примкнувшего к Западу» партнера с восточными корнями — Японии. Выясним, где проходили восточные границы «западной цивилизации», как воспринимались «идентичности» держав на Дальнем Востоке.

In the XIX century Russia was ‘The Other’ of the Europe. Was she ‘The Other’ and European, or non-European ‘Stranger’? We analyzed images of Russia and Japan in the British press of the boundary of XIX–XX centuries. We have to understand, where were the East frontiers of Western Civilization on civilizational map of the world of that time.

Ключевые слова: интеллектуальная история, образы России и Японии, британское общественное мнение, цивилизационная карта мира, цивилизационная идентичность.

Keywords: intellectual history, images of Russia and Japan, British public opinion, civilizational map of the world, civilizational identity.

Цивилизационная идентичность России на протяжении веков вызывает горячие споры как в нашей стране, так и за рубежом. Продуктивным представляется взгляд на нее через «зеркало другого» (о распространенных в других странах представлениях об идентичности России см., например: Зашихин 1994;

Россия и Европа... 1996; Громыко 2008). Признание или непризнание России «своей» со стороны представителей иной культуры существенно влияло на их взаимоотношения, могло способствовать или препятствовать следованию российских элит стандартам той или иной глобальной общности. Как правило, сторонники «западной» («европейской») идентичности России оперируют тем, что в XIX в. она была признана «своей» ведущими странами «Запада». Однако признание это было далеко не безоговорочным. Россия в XIX в. оставалась европейским «Другим». Но насколько далек от «Европы» был этот «Другой», воспринимался ли он «Другим»-европейцем или все же не-европейским «Чужим»?

Проанализируем образ России, сложившийся на рубеже XIX–XX вв. в прессе Великобритании — в те времена ведущей страны «западного мира». Объем статьи не позволяет нам подробно раскрыть все аспекты этой очень обширной и многогранной темы и потому здесь сосредоточимся на анализе восприятия европейцами границ своей цивилизационной идентичности на одной из «окраин» тогдашнего «цивилизованного мира», — на Дальнем Востоке — регионе, где постоянно и далеко не всегда мирно взаимодействовали различные цивилизации. На рубеже XIX–XX вв. там сталкивались конфуцианская цивилизация Китая, находившегося под консервативным цинским правлением; «дочерняя» Китаю цивилизация Японии, активно перенимавшая «западные» науку и общественный уклад. Постепенно на Дальнем Востоке усиливалось присутствие «Запада» — европейских стран и США, и также России, государственные деятели которой в то время считали Дальний Восток одним из приоритетных направлений экспансии. В относительно «локальных» столкновениях на Дальнем Востоке, как в капле воды отражались представления участников событий друг о друге, взаимодействие строилось по «моделям», выработанным в предыдущие десятилетия контактов, что, в свою очередь, давало участникам новый опыт, позволявший переосмыслить прежние убеждения.

Наиболее ярко представления о себе и «Другом» раскрываются в период катаклизмов. Одним из таких случаев было восстание ихэтуаней 1900 г. в Китае — жестокое ксенофобское антииностранное движение, сурово подавленное объединенными силами ряда европейских держав, России, США и Японии. На фоне драматичных событий в Китае, однозначно воспринимавшихся современниками как «восстание Востока против Запада», ярко проявлялись представления европейцев о «себе» и о «другом». Анализ образа России в британской периодической печати той поры тем более продуктивен, что кроме России, в ликвидации движения ихэтуаней участвовал и другой «примкнувший к Западу» партнер с восточными корнями — Япония Мэйдзи.

Сравнение образов России и Японии как союзников «Европы» поможет нам точнее понять, как европейцы представляли себе «своих» и «чужих», где проходила «граница» «европейской цивилизации» на «цивилизационной карте» той поры. Мы попытаемся выявить восприятие в дискурсах британской периодической печати рубежа XIX–XX вв. цивилизационной идентичности России и Японии.

В нашей работе, помимо материалов ведущих интеллектуальных изданий Великобритании: журналов «The Nineteenth Century», «The Fortnightly Review»,

«The Contemporary Review», «The Quarterly Review», газет «The Times» и «The Economist», нами использовались серии карикатур британского юмористического журнала для высшего и верхушки среднего класса «The Punch», наглядно демонстрирующих представления британцев о «Другом», в том числе и о России. Хронологический охват — с 1898 по 1901 гг., т. е. годы, когда противоречия Британии и России в Китае достигли наибольшей остроты.

Начнем с краткой характеристики образа России и Японии на Дальнем Востоке, в том виде, в котором они сложились к концу XIX в.

Россия представлялась британцам наиболее опасным конкурентом на Дальнем Востоке несмотря даже на свою экономическую слабость в регионе. Британские авторы воспринимали слабость российской коммерции как признак неизбежности введения протекционизма и ограничений торговли в российской сфере влияния. В статье С. Морина — бизнесмена, помещавшего на страницах «The Nineteenth Century» материалы по вопросам коммерции и железнодорожного строительства на Дальнем Востоке, российские фирмы были представлены как сила, препятствующая совместной с британцами разработке полезных ископаемых в Маньчжурии (Moreing 1898: 390), и ярые противники фритреда. Интересное развитие тема «русского протекционизма» получила в статье в «The Ninethenth Century», где утверждалось, что Россия не позволяет иностранцам эксплуатировать свои природные богатства, которые лежат втуне, т. к. русские купцы не имеют ни знаний, ни капиталов для их разработки (Cobbold 1899: 593–594). Фактически то же британцы писали в то время о Китае и других странах «Востока». Таким образом — вольно или невольно — выстраивалась линия сравнения России с отсталыми странами традиционной Азии.

Но все же с британской точки зрения угроза Китаю и интересам Британии со стороны России носила скорее военный, чем экономический характер (Ibid: 591). На страницах «The Quarterly Review» высказывалось мнение, что, в конечном счете, русский протекторат в Маньчжурии приведет к ее аннексии (The Chinese Crisis 1900: 554).

На это намекала карикатура в «The Punch» «Почти как дома», изображающая русского казака, комфортно устроившегося в Маньчжурии (Punch 1901: 224). В данном случае интересен образ казака. Это сильный, грубый человек в азиатской одежде, шапке и с восточным кинжалом, с трубкой, навевающей мысли о кальяне. В глаза бросается вопиющая разница между ним и изображенными на карикатуре европейцами.

Кроме конкретных достижений России в Маньчжурии и приписываемых ей целей, неприятие у британских авторов вызывали и особенности ее внешнеполитических методов. Британский офицер, служивший в Индии, Р. Кобболд писал: «Российские “гарантии” ничего не значат и не могут быть восприняты серьезно». Как доказательство, он приводил многочисленные обещания независимости Хивы, Ташкента, Мерва и т. д., не раз дававшиеся Россией (Cobbold 1899: 592).

Подобные представления актуализировала карикатура в «The Punch». «Мишка-империалист» (Punch 1899a: 242). На ней русский медведь, окруженный горами оружия, во время банкета поднимает тост за целостность Китая. За

спиной мишка держит список территориальных требований к китайскому правительству. Особенно интересно для нас то, что собеседница русского медведя — дама в венце с надписью «Европа». Таким образом, идентичность Россия явно конструировалась в этой карикатуре как внеевропейская.

Впрочем, не стоит абсолютизировать приведенные материалы. Далеко не всегда Россию презентовали Медведь или Казак. Зачастую она представлялась военным в российской форме европейского образца или даже самим царем, как, например, на карикатуре в «The Punch» «Грабеж в китайском магазине», презентовавшей «схватку за концессии» 1898 г. (Punch 1899b: 158). Вытеснению России с Дальнего Востока или конфронтации с ней британские авторы предпочитали кооперацию (The Problem of The Far East 1898: 197). На страницах «The Economist» подчеркивалось, что незначительные интересы Великобритании в Маньчжурии не стоят ссоры с Россией (British Interests in China 1898: 902).

Итак, распространенный британский взгляд на Россию изображал ее противником фритреда, милитаристической, экспансионистской державой. Значимым элементом образа России была ее «чуждость». Разные авторы неоднократно подчеркивали в различных контекстах «азиатскую» природу России. В некоторых материалах прессы «Россия» прямо противопоставлялась «Европе».

Японию, стремительно увеличившую военную и экономическую мощь после «Рестаурации Мэйдзи», в английской прессе считали державой, ориентирующейся на Британию, и зачастую просто не воспринимали всерьез: сказывалось традиционное для европейцев того периода пренебрежение к «азиатам». Снисходительно-юмористическое представление современников о Японии отображает карикатура в «The Punch» «Японский Валентин» (Punch 1898a: 69). На ней японец — моряк в европейской форме, забавной японской шляпе и с непропорционально длинным псевдосамурайским мечом с комичной страстью предлагает руку и сердце Владычице Морей — Британии.

С другой стороны, в прессе сообщались данные, свидетельствующие о важной роли Японии в экономике региона и ее значительном военном потенциале (Foreigners in China 1900: 950; The Anglo-German Agreement... 1900: 1500). В «The Fortnightly Review» подчеркивались большие возможности и перспективы «европеизированной» экономики Японии (Wilson 1898: 510–511). На страницах «The Contemporary Review» высказывалось мнение о том, что в будущем Япония достигнет выдающихся успехов в развитии коммерции и промышленности (Mitchell-Innes 1898: 414).

«The Economist» писал о «поразительном успехе» Японии в деле усиления своей военной мощи, создания современной транспортной сети и проведения реформы финансовой системы (How the Japanese Government... 1900: 1729). Отмечалось, что флот Японии — самый крупный по численности в регионе (Naval Squadrons in the Far East 1898: 195). Британцами даже признавалась цивилизующая миссия Японии на Дальнем Востоке (Douglas 1895: 164). В то же время британцы ясно сознавали, какую цену Япония заплатила за рост своей мощи. Отмечались постоянное напряжение бюджета страны, политическая нестабильность, конфликты с Россией (The Disturbances in China 1900: 815; Wilson 1898: 510). Слабость позиций Японии виделась угрозой для британских инте-

ресов на Дальнем Востоке, значительное внимание в прессе привлекала идея англо-японского союза (Holt 1899: 989).

Теперь, обозначив отношение к России и Японии, сложившееся в британской печати к концу XIX в., проанализируем карикатуры в «The Punch», посвященные ликвидации движения ихэтуаней и ярко демонстрировавшие британские представления о «цивилизационной идентичности» обеих стран. Сначала рассмотрим карикатуры в хронологической последовательности, затем — проанализируем особенности образов отдельных персонажей, степень их принадлежности к «западному миру».

Открывает серию, посвященную восстанию ихэтуаней, карикатура от 13 июня 1900 г. «Все тот же старый медведь» (Punch 1900: 419). В центре карикатуры находятся два извечных антагониста XIX в. — британский лев и русский медведь. Остальные участники: и дракон — «боксер», и другие державы, имевшие значительные интересы на Дальнем Востоке, представленные в виде зверей в военной форме, оттеснены к краям карикатуры. Медведь, на первый взгляд, не выглядит агрессивным: толстый, неуклюжий и несуразный, в русской военной форме, валенках и с берданкой. Однако он смотрит на китайского дракона кровожадно и предлагает молодцеватому британскому льву оставить его и дракона наедине. Лев отвечает: «О, спасибо! Но я не оставлю тебя с ним одного на пару слов». Япония представлена уродливым драконом в японской военной форме и оттеснена к краю карикатуры.

В этой карикатуре вновь актуализируется прочно укрепившийся в сознании британцев XIX в. стереотип об агрессивности России. Лев же, по мысли карикатуриста, выступает сдерживающим началом, готовым сохранить Китай от ярости и жадности медведя. Характерно, что, с точки зрения, представленной в карикатуре, улаживание дела с восставшим драконом — задача *только* Британии и России.

Теперь проанализируем карикатуру от 27 июня «Наследие разногласий» (Punch 1900b: 459). 10 июня сводный отряд британского вице-адмирала Э. Сеймура двинулся на Пекин. Продвижение его оказалось исключительно сложным, и только героизм и стойкость европейцев и несогласованность в действиях китайских войск и отрядов ихэтуаней спасли его от истребления, но в карикатуре ситуация выглядит по-иному.

Китаец — азиатский варвар с грубо обозначенным искаженным гневом лицом, в смешном псевдокитайском вооружении, с разрисованным щитом, вооруженный карикатурной нагинатой, которую держит неумело. Он стоит в неуверенной позе, прижавшись к обветшавшей китайской стене. К китайцу приближается группа держав, представленных людьми — русский казак, англичанин, немец, француз и, очевидно, представитель Австро-Венгрии — все в современной военной форме со штыками, и жмущийся сзади японец в псевдотрадиционном доспехе с самурайским мечом. Первым среди европейцев следует огромный, суровый и кровожадный казак.

Карикатура от 4 июля «Крепко запомните это» (Punch 1900c: 11) крайне интересна для нашего исследования. На ней мы видим бивуак держав. Великобритания (представленная солдатом и матросом), Германия, Франция и Россия

сидят в кружке. В стороне стоит японец в традиционных доспехах и предлагает помощь. Казак повернулся к нему спиной. Рядом на скале притаился китайский дракон. Японец вызывается победить дракона один, но отмечает: «Если кто-нибудь не вмешается, когда я низвергну его, все ваши проблемы сохранятся». Здесь явно противопоставлены идентичности участников похода. Если казак входит в европейскую семью, то японец — нет. Одновременно карикатура актуализирует популярное в конце XIX в. представление о возможности создания японо-китайской империи и о ее опасности для «западного мира».

14 июля после тяжелых боев был взят Тяньцзинь, путь к Пекину открыт. Грядущему походу на Пекин посвящена карикатура от 18 июля «На Пекин» (Punch 1900d: 47). В ней наступление на Пекин представлено в образе Крестового похода. Группа рыцарей источает спокойную силу Запада. В этом облике объединяются идентичности представителей Держав. Различить Россию и Германию можно только по орлам на шлемах. Европа как целое показана в средневековых декорациях. Однако из группы выделяется японец в псевдояпонском традиционном вооружении, суетливо указывающий в направлении Пекина.

Кратко охарактеризуем персонажей, изображаемых карикатуристами:

Китаец — примитивный, неуверенный варвар в смешном псевдокитайском вооружении.

Японец — маленький, примитивно вооруженный, неуверенный и смешной. Стоит в стороне или жметесь в толпу. Однако японец очень предприимчив, быстро выступает на первый план и притязает на многое. Сначала японца презентует уродливый дракон в современной форме. Постоянный признак японца — меч самурая.

Казак — дикий, могучий человек с азиатскими чертами. В бою — первый и самый кровожадный. После японца — самый «неевропейский» из участников подавления движения ихэтуаней. Враждебен к японцу.

Теперь проанализируем интерпретацию карикатуристами символики держав:

Китайский Дракон — сила разрушения. Одновременно — комический персонаж, среднего или даже малого размера. Всегда на заднем плане, в воинственной позе. Это отдаленная угроза, вблизи превращающаяся в слабого китайца. Победить его может и маленький японец.

Русский Медведь — толстый, неуклюжий и несуразный, в валенках и с берданкой. Притом кровожадный и, как гласит подпись к карикатуре, «старый знакомый» британского льва.

Японский дракон — уродливый зверь, родственник китайского дракона, но в современной военной форме.

Итак, карикатуры «The Punch» демонстрируют богатый набор лиц «Другого», в том числе ярких иносказательных образов. Заслуживает внимания отражение в карикатурах соотношение идентичности участников подавления движения ихэтуаней: европейских стран, Британии, России и Японии. В целом «неевропейской», т. е. , по представлениям того времени «неполноценной», считалась лишь Япония, хотя Россия, как показывает анализ образов казака и медведя, в сознании карикатуристов «The Punch» — все же не в пол-

ной мере европейская держава. Анализ карикатур позволяет установить, что привлечение неевропейского государства к силовым акциям по отношению к выступающим против западного влияния народам не вызывало позитивной реакции европейской аудитории, чего нельзя сказать о вмешательстве России.

Итак, Россия считалась британцами европейской державой, хотя и несколько странной, но одной из «своих» перед лицом «восточного варварства». Когда речь шла об «угрозе Цивилизации», как это интерпретировали современники, различия России и европейских стран не принимались во внимание. В то же время Япония, внесшая решающий вклад — людьми и кровью — в победу над Китаем, так и не была в то время признана «своей».

Литература

Громыко А.А. Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки: монография / Ал. А. Громыко; Учреждение Российской академии наук, Ин-т Европы РАН: Русский сувенир, 2008.

Заишихин А.Н. «Глядя из Лондона». Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX — нач. XX в. Очерки. Архангельск: Изд-во Поморского международно-педагогического университета им. М.В. Ломоносова, 1994.

Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М.: Издательский центр института российской истории РАН, 1996.

Источники

The Anglo-German Agreement and Trade with China // *The Economist*. 1900. Vol. LVIII. October 27.

British Interests in China // *The Economist*. 1898. Vol. LVI. June 18. Pp. 902–903.

The Chinese Crisis // *The Quarterly Review*. 1900. № 192 (Jul — October). № 384. October. Pp. 542–564.

Cobbold R. (Later 60th Rifles) A Sample of Chinese Administration // *The Nineteenth Century, A Monthly Review*. 1899. Vol. XXXLV. April. Pp. 590–597.

The Disturbances in China // *The Economist*. 1900. Vol. LVIII. June 9.

Douglas R. The Triumph of Japan // *The Nineteenth Century, A Monthly Review*. 1895. Vol. XXXVII. № 208, January. Pp. 156–164.

Foreigners in China // *The Economist*. 1900. Vol. LVIII. July 7. Pp. 950–951.

Holt H. The War-Cloud in the Farthest East // *The Nineteenth Century A Monthly Review*. 1899. Vol. XXXLV. December. Pp. 988–995.

How the Japanese Government dealt with the Chinese War Indemnity // *The Economist*. 1900. Vol. LVIII. December 8.

Mitchell-Innes N.G. The Dragon and The Chrysanthemum // *The Contemporary Review*. Vol. LXXIII. January–June. 1898. March. Pp. 403–414.

Moreing C.A. Recent Business Tour in China // *The Nineteenth Century, A Monthly Review*. 1898. Vol. XLIV. September. Pp. 386–399.

Naval Squadrons in the Far East // *The Times Weekly Edition*. 1898. Vol. XXII. № 1109. April 1.

The Problem of The Far East // *The Contemporary Review*. Vol. LXXIII. January–June 1898. February. Pp. 193–201.

Punch, or the London Charivari. 1898a. Vol. XCIII. February 12.

Макаров В.А. «Европа» и «не-Европа»: цивилизационная идентичность России...

Punch, or the London Charivari. 1899b. Vol. CXVI. April 5.

Punch, or the London Charivari. 1899a. Vol. CXVI. May 24.

Punch, or the London Charivari. 1900a. Vol. CXVII. June 13.

Punch, or the London Charivari. 1900b. Vol. CXVII. June 27.

Punch, or the London Charivari. 1900c. Vol. CXVII. July 4.

Punch, or the London Charivari. 1900d. Vol. CXVIII. July 18.

Punch, or the London Charivari. 1901. Vol. CXXIX. March 20.

Wilson H.W. England and Japan // *The Fortnightly Review*. 1898. Vol. LXIII. New Series. (January to June). (Vol. LXIX. Old Series). № CCCLXXV. New Series. March 1. Pp. 503–512.